

О сделанном и перспективах

В статье подводится итог моего 12-летнего изучения истории современной российской социологии. Поводом для обсуждения сделанного является выход в сентябре 2016 г. третьего издания книги «Современная российская социология: Историко-биографические поиски» [1], в которой обсуждается методология исследования и приводятся основные результаты.

Автор всегда помнит о поддержке, которая оказывалась ему на всех этапах исследования В.А. Ядовым. Я также искренне благодарен своим друзьям и коллегам: А.Н. Алексееву, Е.И. Гри-

горьевой, М.Е. Илле, Л.А. Козловой, Б.М. Фирсову и Ф.Э. Шереги за неоценимую помощь в работе.

Ключевые слова: советская и постсоветская российская социология, история социологии, поколение социологов, поколенческо-функциональный анализ, интервью с российскими социологами.

Борис Докторов

Доктор философских наук, профессор, независимый исследователь (Foster City, США)

В целом о строении и содержании книги

В 2012 году рассматриваемая книга состояла из трех томов, в ней было представлено сделанное в течении первых семи лет изучения становления и развития отечественной послевоенной социологии. Но сбор информации и ее анализ продолжались, и вскоре было решено готовить 2-е издание; оно задумывалось как пятитомное, но оказалось шеститомным. Эта работа была завершена в декабре 2014 года. И в конце лета текущего года было подготовлено еще три тома; так появилось 9-томное издание, размещенное на диске и в веб-сети.

Первое издание, по нашим теперешним представлениям, было «камерным», оно включало 44 интервью. Сейчас можно сказать — «всега 44», но тогда не было плана принципиального расширения списка потенциальных респондентов, и более 40 интервью выглядело «солидным» архивом данных. Иллюстрацией отсутствия установки на значительное увеличение количества интервью служит то, что 6-томник (2-е издание) содержал только 14 интервью с новыми респондентами (кроме того были повторные беседы с А.Н. Алексеевым, Я.И. Гилинским и В.А. Ядовым). Таким образом, к концу 2014 года было проведено 61 интервью.

За счет чего затем быстро произошло более чем удвоение общего числа проведенных интервью? Объяснение простое — во второй половине 2014 — 2015 годов я пересмотрел свое понимание роли и места новых поколений российских социологов в нашем профессиональном сообществе и потому начал активно беседовать с представителями V, VI и VII когорт. В Таблице 1 представлена поколенческая структура всей собранной первичной информации:

Так получилось, уже в первом издании книги удалось найти такую группировку различного рода текстовых материалов, которая оказалась продуктивной и в будущем; ее универсальность, стабильность проявляются в том, что она при минимальной доработке позволяла структурировать разного вида тексты, «естественно» возникавшие в столь продолжительном и многоаспектном историко-научном анализе.

В моем понимании итогов проделанной почти за 12 лет работы главное — это совокупность интервью с социологами разных поколений, коллекция их воспоминаний, рассказов о своем вхождении в профессию и об их исследованиях. Все интервью размещены в четырех томах: №№2, 4, 7 и 8. Специфика такого рода материала заключается в том, что его ценность

как носителя информации о настоящем-прошлом не уменьшается по мере «старения», а быстро возрастает; прошлое становится еще более удаленным и еще менее доступным, а настоящее вскоре превращается в прошлое. И, что легко обнаруживается пролистывая проведенные интервью, это — не общепрофессиональное утверждение, но — правда жизни. Я не беру «крайние случаи» — смерть тех, с кем мне удалось побеседовать в течение прошедшего десятилетия: В.Я. Ельмеев, Т.И. Заславская, А.Г. Здравомыслов, Л.Е. Кесельман, В.В. Колбановский, Г.Б. Кораблева, Б.И. Максимов, И.И. Травин, В.А. Ядов; во многих случаях, рассказанное мне — единственный биографический материал о человеке, который много лет отдал научным поискам. Но когда наблюдаешь, как буквально на глазах «сегодняшние» события, о которых рассказывалось 10 лет назад, приобретают свое собственное «прошлое», то глубже осознаешь, сколько важного для истории вообще не удалось зафиксировать. И одновременно представляешь, что даже эта неполная, разорван-

Таблица 1. Поколенческая структура интервью, представленных в томах №№2, 4, 7 и 8.

Том	Поколение / временные (годы) концы поколенческих интервалов							Итого
	I	II	III	IV	V	VI	VII	
	1923-1934	конец 20-х-1934	1935-1946	1947-1958	1959-1970	1971-1982	1983-1994	
Том 2	6	10	16	12	-			44
Том 4	3	4	5	3	2			17
Том 7		1	9	23				33
Том 8, части 1, 2					20	21	11	52
Итого:	9	15	30	38	22	21	11	146

ная, мозаичная картина нашего сегодня, для будущих историков отечественной социологии может быть единственным описанием многих фрагментов того, что ими будет восприниматься как недавнее или далекое прошлое.

Если принять средний объем интервью в два авторских листа, думаю, что в действительности он больше, то общий объем собранной биографической информации — порядка 30 авторских листов. И это не технологические, формализованные описания процессов освоения профессии, повышения квалификации и собственно профессиональной деятельности. Профессиональная тема интервью, как правило, погружена в широкий социальный контекст и, следовательно, мы автоматически приобретаем общеисторический, культурологический материал об отношениях людей в семьях, в школе и высших учебных заведениях, о поведении людей в сложных жизненных обстоятельствах и т.д. Причем, это рассказы опытных социологов, представителей социально-профессиональной группы, по определению наиболее готовой к подобным описаниям.

Итак, четыре названных тома (повторю: №№2, 4, 7 и 8) составляют первый структурный кластер 9-томника, второй кластер, тоже объединяющий четыре тома, — №№3, 5, 6 и 9 — цемнтирован словами «биографическое» и «автобиографическое». Возможно, на первый взгляд все собранное в них представляется достаточно разнородным в содержательном и жанровом отношении. Здесь: книги о Б.А. Грушине и В.А. Ядове (Том №6), большая статья, почти брошюра о ведущем российском историке и философе науки Б.Г. Кузнецове (Том №9), которого, учитывая наше сегодняшнее понимание границ и методологии социологии, можно отнести и к социологам науки. В этих же томах — объемные биографические очерки об А.Н. Алексееве, Г.С. Батыгине, В.Б. Голофасте, Т.И. Заславской, А.Г. Здравомыслову, Ю.А. Леваде, Г.И. Саганенко, Б.М. Фирсове, Ф.Э. Шереги и о других исследователях разных поколений. В Томе №5 есть и раздел: «Когда уходят друзья» — это краткие некрологи, написанные сразу после получения сообщения о смерти коллеги. «Автобиографическое» — это обширные интервью, которые брали у меня мои коллеги-друзья, но есть и автобиографическое эссе (Том №3, «Шесть тысяч дней другой жизни»).

Генезис обсуждаемого историко-социологического исследования

Все это многообразие материалов можно рассматривать как развитие базового, отправного для данного проекта материала — статьи «Б. А. Грушин: Четыре десятилетия изучения российского общественного мнения» (Том №3, Раздел 1), опубликованной в конце лета 2004 года, и как реализацию стремления к созданию «человекоцентричной» истории российской социологии.

Рождение такого крупного проекта — процесс многослойный, остановилось на некоторых его составляющих.

Его историко-биографическая образующая исходит к работе Г.С. Батыгина [2]; кроме всего прочего, Батыгин показал, что после перестройки российские социологи старших поколений были готовы раскрыть себя, сделать публичной свою жизнь. Поскольку я знал многих из тех, с кем он проводил интервью, я не видел особых проблем в установлении с ними контакта, правда, была в то время организационно-технологическая «загвоздка»: далеко не все в начале 2000-х годов уверенно пользовались электронной почтой. После отъезда в Америку я два-три раза встречался с Батыгиным в Москве, однако это было до того, как я приступил к изучению истории российской социологии и начал задумываться об использовании биографического метода: начало моего проекта относится к осени 2004 г., а Батыгина не стало летом 2003 г.

Что касается «человекоцентричной» методологии исследования истории социологии, то она в общих чертах складывалась в начальные годы нового столетия, когда, стремясь лучше узнать процесс рождения и развития методов изучения обще-

ственного мнения, я открыл для себя биографии отцов-основателей научного анализа массовых установок: Джорджа Гэллага, Хэдли Кэнтрила и Элмо Роупера и нескольких других психологов, исследователей рынка и создателей рекламного бизнеса. В тот момент мое российское историко-социологическое исследование лишь первично оформлялось, количество проведенных интервью не превышало и десяти, тогда как по американскому направлению уже было опубликовано несколько статей, и одна за другой увидели свет три книги.

Но было и еще более ранее начало, точнее — предначало, когда на протяжении нескольких десятилетий я читал книги историка и философа науки Б.Г. Кузнецова и пребывал в поле его личного влияния. Об этом обстоятельно рассказано в очерке: «Все это вместила одна жизнь. Б.Г. Кузнецов: историк, философ и социолог науки» и автобиографическом интервью «Моя жизнь: 53 года в России и уже 8000 дней в Америке», размещенных в Томе №9.

Немного о развитии исследования

Таким образом, генезис настоящего проекта в общих чертах обозначен, теперь хотелось бы рассмотреть, как развивался исследовательский процесс. Учитывая сложный, многокомпонентный характер работы и принимая во внимание тот факт, что сбор информации (проведение интервью с российскими социологами разных возрастов) и ее анализ продолжают свыше десяти лет, краткое описание исследовательского процесса было бы невозможным, если бы вскоре после начала работы я не стал регулярно подводить и публиковать промежуточные итоги сделанного.

Первый подобный «самоотчет» назывался «Биографии для истории» («Телескоп», 2007, № 1, http://www.teleskop-journal.spb.ru/files/dir_1/article_content1213796252400955file.pdf) 2007 г.), в нем итожилось сделанное ровно за два года. Статья завершалась словами: «Хочется надеяться, что проект, который ведется на страницах «Телескопа» уже два года, будет иметь продолжение и станет частью широких и многоцелевых исследований, направленных на создание истории единой российско-советско-российской социологии». По прошествии без малого почти десяти лет можно утверждать, что проект действительно продолжался, но лишь будущее покажет, какое место он займет в разработке истории нашей науки. Пока же, говоря об итогах сделанного, могу допустить, что никакое серьезное изучение развития советской и начала постсоветской социологии не может игнорировать наличие бесед с без малого полтора сотен социологов всех ныне действующих поколений.

Если говорить о главном, что было намечено в той статье и что определило многое в исследовательском процессе, то это — два стержневых направления теоретико-эмпирического анализа полученной информации. Первое — *история в биографиях* и второе — *биографии в истории*. История в биографиях это то, что можно узнать о становлении и развитии социологии из рассказов очевидцев: какие события профессионального плана они вспоминают, как они их оценивают, каким образом они на момент интервью, по прошествии десятилетий, видят происходившее. Второе из указанных направлений поиска подразумевает исследование того, как история страны отражена, представлена в биографиях социологов, какие социально-политические и иные реалии определяли их жизнь, что формировало их гражданские установки и профессиональные воззрения. Говоря иначе, был взят курс на синтетический анализ *большой истории* (истории страны, общества) и истории *социологии* и нашего *профессионального сообщества*. На мой взгляд, эта исследовательская установка на разных этапах проекта привела к интересным содержательным выводам и гипотезам.

В частности, прямым продолжением рассмотренного подхода к истории науки является мое утверждение о том, что ученого, когда бы он не жил, можно считать нашим современни-

ком, если мы знаем, используем его идеи, результаты, его экспериментальные данные. Впервые я почувствовал и осознал это в процессе работы над биографией Гэллага, умершего в 1984 г., но, следуя данному правилу, я рассматривал «современниками» и людей, живших в значительно более отдаленные времена.

Еще в книге о первопроходцах изучения общественного мнения [3], в которой были портреты первых американских аналитиков массовых установок и первого советского исследователя общественного мнения Б.А. Грушина я писал о своем понимании настоящего: «Я убежден, что нет «гладкого», «гомогенного», «постоянного» настоящего. Настоящее — это огромное пятно неправильной и постоянно меняющейся конфигурации». За счет «освоения» прошлого наше настоящее наращивается, «углощается», становится более объемным, обеспечивает лучшее видение, понимание реальности, делает более отчетливым будущее. И, легко понять, в этой «мягкой» интерпретации настоящего исследователи даже весьма отдаленного прошлого присутствуют в какой-то сфере, в каком-то слое настоящего, т.е. оказываются нашими современниками.

В октябре 2007 г. на конференции в Тюмени было впервые озвучено мое утверждение о том, что современный этап советской / российской социологии — не «возрождение» дореволюционной и ранней советской социологии, а ее новое, по сути, «второе рождение» («Российские реформы и история российской социологии», Том №5, Раздел I). Концепция «второго рождения» сразу вызвала интерес, тем более что уже к тому моменту в ходе интервью с ней согласился ряд ведущих социологов страны. Так, например, — Т.И. Заславская: «Я согласна, что было именно второе рождение. Это уже потом возник интерес к историческим корням, который сохраняется и сейчас»; Ж.Т. Тощенко: «Конечно, говорить о возрождении можно довольно условно <...> более уместно говорить о втором рождении социологии...»; Ф.Э. Шереги: «Я согласен с этим выводом. Мало кто из первых советских социологов знал о практике советской социологии 1920-х годов».

Фактически одновременно я приступил к написанию биографических очерков. Видимо, скучно было лишь проводить интервью и размышлять по поводу методологии исторических поисков, хотелось чего-то более конкретного.

В очерке о Галине Васильевне Старовойтовой («Телескоп», 2007, № 6, http://www.teleskop-journal.spb.ru/files/dir_1/article_content1230371054493134file.pdf), написанном почти через десять лет после ее убийства, была сделана попытка рассмотрения ее жизни не только на личностном уровне, но и как представителя III поколения российских социологов. Вскоре аналогичные задачи решались в работе над биографией Валерия Борисовича Голофаства, принадлежавшего к той же когорте социологов (Том №5, Раздел IV). Поколенческий подход позволил найти в движении Голофаства и Старовойтовой в социологию сходные, принципиально важные моменты. Они определены макросоциальными обстоятельствами и особенностями ленинградской культуры 60-х годов. Оба после школы поступили в технические вузы, но достаточно скоро осознали, что это — «не то». Оба «прошли» через так называемую «Сайгонскую культуру», от неофициального названия кафе в центре Ленинграда, в котором собиралась диссидентски настроенная молодежь и представители поэтического и музыкального андеграунда. Для Старовойтовой это был, прежде всего, период освоения оппозиционного, альтернативного видения социально-политического мира, для Голофаства — время размышлений о «слове». Хотя в те годы я не задумывался о *биографичности творчества социолога*, работа над очерками о Грушине, Капелюше, Старовойтовой и Голофастве через несколько лет подвели меня к этой концепции.

В конце 2007 года было опубликовано мое эссе о Юрии Александровиче Леваде «Жизнь в поисках «настоящей правды»» (Том №3, Раздел 1), к тому моменту прошел лишь год по-

сле его смерти, и информации о его жизни было мало. Чтобы полнее передать образ Левады, который я составил по его небольшому автобиографическому очерку, несколькими заметкам о его жизни и ощущениям, вынесенным из личного общения с ним, я обратился к рассказу Э. Хемингуэя «Старик и море». Нет причин сейчас аргументировать предпринятое соединение фактологической информации о Леваде с чертами хемингуэевского героя. Но, в моем понимании слабо разработанного у нас жанра — биографии ученого — такой синтез вполне обоснован.

Сейчас общее количество биографических статей, заметок, эссе, блогов — не менее сорока. Но самыми объемными, проработанными в историко-методологическом отношении считаю три текста: «Скала Алексева» (Том №3, Раздел I) — о перипетиях жизни и непростом развитии исследовательской деятельности Андрея Николаевича Алексева, «Геннадий Батыгин: «Я хочу работать в области истории советской социологии»» и «Татьяна Ивановна Заславская. Размышления о её жизни» (оба очерка: Том №5, Раздел IV). Еще в начале исследований по «американской истории» мне показалось оправданным и целесообразным опираться на *принцип пристрастности* в выборе героев биографического анализа и при описании прожитого ими. В какой-то мере это оправдывает субъективизм моих историко-биографических исследований, но знакомство с большим числом работ российских и американских историков науки позволяет утверждать, что не субъективных жизнеописаний не существует. В воспоминаниях В.С. Кирсанова, много лет занимавшегося творчеством Ньютона, приведены слова Б.Г. Кузнецова, писавшего о многих классиках науки разных эпох: «Я любил Эйнштейна и поэтою написал хорошую книгу, а вот Ньютона я не люблю, и поэтою книга не удалась».

В первом выпуске журнала «Телескоп» за 2009 год было опубликовано описание самого исследовательского процесса, для этого был серьезный повод — 25-й выход в свет рубрики по истории социологии («Телескоп», 2009, http://www.teleskop-journal.spb.ru/files/dir_1/article_content1296208499123748file.pdf). Сегодняшнее ознакомление с этой статьей позволяет лучше понять, как развивались некоторые ключевые теоретические положения и эмпирическая база исследования, какого характера материалы публиковались в исторической рубрике. В частности, к началу 2009 года, т.е. за четыре года жизни этого раздела журнала, в нем было опубликовано 23 интервью, 17 биографических очерков и воспоминаний о коллегах, 8 — историко-социологических материалов и другое. Кроме того, ряд материалов печатался в «Социологическом журнале» и «Социальной реальности».

Стремление к расширению знакомства отечественных и иностранных специалистов с биографиями российских социологов и результатами исследований в области биографического анализа вылилось в то, что осенью 2005 года вместе с Дмитрием Шалиным, бывшим ленинградцем, который уже многие годы преподает социологию в Университете штата Невада в Лас-Вегасе, мы приступили к созданию сайта «Международная биографическая инициатива» [4]. 2 мая 2006 года «прошла презентация» сайта, сообщение о нем было разослано более чем сотне социологов, интересующихся развитием советской и постсоветской социологии. К началу 2009 года, этот сайт, по мнению специалистов, превратился в крупнейшее собрание материалов по истории российской социологии, общее число «единиц хранения» на нем уже тогда приближалось к 400. Он и сейчас остается весьма содержательным.

К концу первого десятилетия началась складываться традиция публичного анализа сделанного; в новой статье подобной направленности — «Биография и судьба» («Телескоп», 2010, №4, http://www.teleskop-journal.spb.ru/files/dir_1/article_content1327767619127252file.pdf) речь шла о философии анализа биографии. К тому времени изучение историко-биографической литературы и первые опыты собственной работы над «пор-

третями» социологов показали мне перспективность исследования биографий в рамках традиций Б.Г. Кузнецова. На это указывал и подзаголовок дискуссии с Л.А. Козловой, составившей содержание этой статьи, — «Захочет ли граф Калиостро посетить моих героев?..» (Том №5, Раздел I) Смысл этого подзаголовка станет ясен после ознакомления с анализом (Том №9) книги Кузнецова «Путешествие через эпохи» [5]; в ней показано, что биограф должен стремиться к достижению глубокого мысленного диалога со своими героями.

Сегодня, рассматривая ход работы над проектом, я могу сказать, что многое в ней определено удачным выбором для интервью трех первых респондентов: Б.М. Фирсов, Я.И. Гишинский и В.А. Ядов; они были и *готовы*, и *способны* рассказать о себе. Поэтому интервью с ними сразу вывели меня в широкую область *биографического* и *исторического анализа*. Уже тогда сложилось понимание проводимых интервью, последнее время я их чаще называю *беседами*, как формы *профессионального* и *личностного общения*. Исходно я подумывал о том, чтобы максимально унифицировать содержание и структуру интервью и стремиться к использованию набора стандартных вопросов, другими словами, не отходить далеко от формализованного типа интервью. Однако, поскольку трое моих первых собеседников разными путями пришли в социологию, работали в разных предметных, тематических нишах, имели разный жизненный опыт, то стало понятно, что интервью должны быть неформализованными. Замечу, что во многих случаях общение с моими собеседниками не ограничивалось тематикой интервью, но имело более общий характер.

Следующая «инвентаризация» сделанного, проводившаяся опять же при сотрудничестве с Л.А. Козловой, состоялась в середине 2014 года («Телескоп», 2014, №4). Повод был очевидный — 10 лет рубрике «Современная история российской социологии» в журнале «Телескоп». И, безусловно, сегодня можно сказать, что наше обсуждение сыграло значительную, импульсную роль в развитии всего исследования.

На тот момент, как следует из ранее сказанного и статистики, собранной в Таблице 1, среди опрошенных социологов было крайне мало представителей V и VI шестого поколений, и у меня был план наполнения этих групп. Что касается проведения интервью с социологами VII когорты, то на вопрос об этом Л. Козловой я ответил: «Знаешь, никогда не говори никогда... но пока я, даже «мягко», не планирую беседы с социологами седьмого поколения. Сейчас старшим из них — 30 лет с небольшим <...> но хотелось бы приступить к исследованию этой общности, лишь когда старшие из них подойдут поближе к 40-летию. Будет это в начале 2020-х, так далеко я свои планы не строю...». И все же, после некоторых раздумий, в сентябре 2014 года началось исследование и этой страты; проведено 11 интервью с представителями этой общности, но этот материал потому значим, что здесь мы подошли к видению достаточно удаленного будущего. Благодаря этому историческое исследование стало немного и футурологическим.

Моя собеседница обратила внимание еще на один аспект моей выборки респондентов — в ней было по 25 москвичей и петербуржцев, но была бедно представлена региональная социология. За прошедшее время и эта сторона проекта заметно откорректирована. В коллекции — беседы с социологами, живущими и работающими по всей территории страны: от Калининграда до Дальнего Востока.

Но последним самоотчетом стала статья «История есть, только если она написана. 2» («Телескоп», 2015, №5), это — прямая переключка с первой статьей данного Проекта «История есть, только если она написана» опубликованной осенью 2004 года (Том №5, Раздел I). То не был план будущих исследований, у меня не было оснований его составлять, да и ничего конкретного я не мог задумывать. Это было задание себе, наказ, о том, что надо изучать прошлое нашей социологии. В той первой статье, прежде всего, было признание того, что наука

делается учеными и пока все наблюдавшееся и пережитое ими, не выявлено, не проанализировано и не описано, истории науки нет, а незнание социологическим сообществом своей истории почти равносильно ее отсутствию. Далее утверждалось, что написание истории не сводится к созданию летописи событий, она — нужна, но ею нельзя ограничиваться. Необходимо изучение причин состоявшихся событий, а также их последствий: прямых и косвенных, кратковременных и отложенных, обнаруженных ранее и осознанных лишь в недавнее время. Таким образом, история социологии одновременно должна быть историей деятельности людей, прежде всего причастных к выработке собственно социологического знания.

Знакомство с науковедческими построениями общего характера, а также опыт изучения процесса становления выборочных опросов общественного мнения в США и зарождения американского и международного сообщества полстеров позволяли допустить, что одной из сквозных тем российского исследования должно стать изучение коммуникационных сетей внутри социологического сообщества. Так оно и оказалось, реализовавшись в концепции формирования советских и постсоветских поколений российских социологов. Цепочка шагов — очень проста: от стремления к изучению коммуникационных сетей, к поколениям как продуктам развития профессиональной коммуникации в самой широкой ее интерпретации и затем — к движению поколений, т.е. прошлому-настоящему-будущему российской социологии.

Хронология публикационной активности

Мне сложно подсчитать общее количество работ, опубликованных по теме обсуждаемого историко-социологического проекта; это бумажные и онлайн-выпуски публикации, книги, статьи, очерки, эссе. Можно с уверенностью сказать, что опубликовано около 150 интервью, одна теоретико-методологическая книга и четыре сборника интервью с социологами из разных регионов России (Поволжье, Екатеринбург, Тюмень и Дальний Восток) около 50 биографических материалов, в том числе книги о Б.А. Грушине и В.А. Ядове. Две онлайн-книги (одна из них — настоящий 9-томник), которые вышли в нескольких изданиях. Наверное, общее количество опубликованных материалов заметно превышает 200 единиц.

Первый год жизни рубрики по истории российской социологии в журнале «Телескоп», которую я начал вести в 2005 году, сложился успешно; все шесть номеров издания содержали соответствующие материалы. Кроме того, был создан задел на будущее. Удалось выстроить индустриальное, фабричное производство интервью: работа с одним-двумя респондентами завершалась, с кем-то — приближалась к «экватору», с несколькими — начиналась, и одновременно шли поиски кандидатов для следующих бесед. При поддержке редактора журнала Михаила Илле я решил постараться публиковать историко-социологическую тематику в каждом из шести ежегодных выпусков журнала, под это для рубрики было выделено 2 авторских листа. Приятно заметить, пока все задуманное реализуется; в течении 2005 — 2016 гг., вышло в свет 72 номера журнала, и во всех обсуждались те или иные аспекты становления и развития советской/российской социологии. В совокупности это около 150 авторских листов, или — многотомное книжное издание. Конечно, это — не только мои тексты, но доля таковых — весьма значительна.

Скорую публикацию текста завершеного интервью я всегда рассматривал в качестве своего рода благодарности коллеге, согласившемуся рассказать о своей жизни. Это — трудоемкое, непростое и сложное в этическом отношении дело. Но вскоре после отладки «индустриального» производства текстов интервью возникли сложности с их публикацией, «Телескоп» уже не мог все разместить на своих страницах. Помощь пришла со стороны других изданий: в 2006 году началось сотрудничество с «Социологическим журналом» и недолго просущее

ствовавшем журналом ФОМа «Социальная реальность». В 2014 году пространство для журнальных вариантов текстов интервью с полстерами и аналитиками рынка стал выделять «Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены», публикуемый ВЦИОМ.

Работы теоретико-методологического плана по обобщению историко-биографической информации началась практически сразу после завершения первых интервью, на рубеже 2006-2007 годов. Но в начале 2009 года, она приобрела целенаправленный характер.

Именно тогда Б.М. Фирсов задумал принципиально дополнить и подготовить 2-е издание своей книги «История советской социологии 1950-1980-х годов. Курс лекций» (Изд-во Европейского уни-та в СПб, 2001), одновременно он предложил мне написать книгу по истории советской/российской социологии, чтобы тоже издать ее в Европейском университете в СПб. Конечно же, я без раздумий принял его предложение и начал думать о ее структуре и содержании. В середине февраля 2009 года Фирсов сообщил мне, что директор издательства ЕУСПб Милена Кондратьева свяжется со мною, чтобы уточнить сроки и заключить договор. В то время я приступал к работе над книгой по материалам почти годового мониторинга президентской избирательной в США 2008 года, и, конечно, меня несколько «напрягло» его сообщение о том, что книга по истории российской социологии должна быть закончена в январе 2010 года. Вскоре это подтвердило и письмо М. Кондратьевой (24 марта 2009), вот так выглядел общий дизайн этой работы: «Насколько я знаю, Вы уже подробно это обсуждали с Б.М. Скорее всего, будут изданы два тома. Первый из них — история советской социологии Б.М. Фирсова, второй том — Ваш». Но мои опасения не успев все сделать в запланированные сроки оказались излишними. Все сложилось так, что книга Фирсова увидела свет в 2012 году, а моя — в 2013 [6]. Замечу, основные положения этой книги представлены в Томе №1.

Одновременно с работой над этой книгой происходил ряд событий, имеющих прямое отношение к рассматриваемому проекту и сыгравших (и продолжающих играть) очень важную роль в его развитии. 6 мая 2011 года А.Н. Алексеев, ничего заранее не обсуждая со мной, сообщил, что он собрал воедино все имевшиеся у него интервью и просил добавить в это собрание тексты, которых у него не было. У него возникла идея подготовки для размещения в веб-сети этой коллекции под названием «Борис Докторов. Биографические интервью с коллегами-социологами (2005-2011)». Но здесь случилось непредвиденное, Франц Эдмундович Шереги, который к тому времени издал две мои книги по истории изучения рекламы и общественного мнения в США, предложил создать специальный сайт, на котором можно было бы разместить собранные воедино интервью. К этой работе была подключена Елена Ивановна Григорьева — опытный специалист по созданию и поддержке социологических сайтов.

Работа оказалась непростой, требовалось решить множество проблем, однако в середине ноября 2011 года задуманный сайт был открыт, на нем было размещено 40 интервью [7]. А.Н. Алексеев согласился стать редактором-составителем, эту непростую функцию он и далее выполнял. По техническим соображениям уже в начале 2012 года было подготовлено 2-е издание этой онлайн-книги, на момент рождения в ней было 47 интервью. Через полгода пришла очередь 3-его издания, здесь было не только алфавитное упорядочение интервью, но и по ряду ценных для аналитика переменных: по месту работы; по профессиональным поколениям; по направлениям исследований; по базовому образованию и была сделана интерактивная портретная галерея респондентов. Это позволило вносить в нее каждое новое законченное интервью. На старте этого издания в галерее было 54 портрета, а к моменту, когда состоялась презентация 4-го издания (конец сентября 2014 года) — 63 портрета [8].

Новая версия книги «Биографические интервью с коллегами-социологами» смогла достаточно полно представить все, сделанное по части проведения интервью за 10 лет, а теперь, в силу интерактивности, она отражает текущее состояние архива собранной биографической информации (свыше 140 интервью) и, на мой взгляд, представляет богатые возможности для исследователя истории российской социологии. Она рассказывает о социологах всех работающих в науке поколений ученых. Эта огромная и многообразная информация о самих социологах и их семьях, о том, как история отразилась в жизни всех послереволюционных поколений. Проект явно вышел за границы собственно описания процессов становления и развития отечественной социологии и приобрел более широкое историко-научное значение. Более того, по мнению А.Алексеева, сделанное можно рассматривать как «часть истории не только науки, но и творческой (гуманитарной) интеллигенции».

Сложно сказать, к каким общеисторическим и науковедческим выводам приведет анализ биографий, воспоминаний столь значительного числа ученых, работающих в одной научной области (социологии), но уже сейчас представляется интерес проблема биографичности творчества социологов, т.е. определенной обусловленности исследовательской деятельности социолога фактами его биографии и предбиографии. Биографичность творчества композиторов, художников, поэтов и писателей — общепризнана, и невозможно анализировать сделанное ими, не обращаясь к фактам их жизни на макро и суперличностном уровне. Признается и биографичность творчество математиков, физиков, биологов, чтобы убедиться в этом, достаточно посмотреть книги о выдающихся ученых.

Можно предположить, что одной из черт советской социологии была ее «слабая биографичность»: в силу очевидных (и не совсем очевидных) обстоятельств социологи не имели права, возможности говорить «от себя», «своим языком». Прямолинейно понимавшийся тезис об «объективности» научного знания, а также цензура и самоцензура, кроме всего прочего, ограничивали жанр социологического повествования. Так, порождением застоя стали «коллективные монографии», их называли «братскими могилами»; это было гениальное изобретение времени — желая участвовать в такой работе, ученый фактически отказывался от многих, тем более — расходящихся с позицией «коллективного автора», собственных позиций. И уж, конечно, внебиографичность не могла стимулировать изучение процесса деятельности социологов.

В том же 2011 году, когда готовилась книга по истории социологии и создавалось первое издание онлайн-книги «Биографические интервью с коллегами-социологами», началась большая работа по подготовке на диске книги, получившей название «Современная российская социология: историко-социологические поиски». Ее целью было собрать воедино все, сделанное по рассматриваемому проекту за семь лет. То было первое издание настоящей книги, а в декабре 2014 года — вышло второе [9].

Сказанное можно подытожить следующим образом. Рассматриваемое историко-социологическое исследование, хотя оно не является частью какой-либо институциональной системы и не финансируется какими-либо фондами, организовано по стандартам крупных современных научных проектов. Благодаря многолетним дружеским связям, доверию коллег и долгосрочному стратегическому планированию проекта, удается не только реализовывать крупномасштабную программу сбора уникальной биографической информации, но одновременно осуществлять ее анализ и постоянно доводить до российских исследователей и преподавателей социологии «сырые» данные (тексты интервью) и результаты аналитических разработок. Конечно, это стало возможным лишь благодаря использованию мощного потенциала Интернета.

О перспективах: поколенческо-функциональный анализ истории советской и постсоветской социологии

Итак, генезис проекта, исследовательский процесс и публикационная активность, в целом обозначены, по сути — это и есть краткий рассказ о сделанном. Теперь — немного о перспективах. И опять же, это никак не план, скорее — размышления о том, что следует и что хотелось бы сделать.

Когда я задумываюсь об анализе собранной биографической информации (напомню, 143 проведенных интервью) мне кажется, что я стою на берегу информационного океана. Покорить это пространство сходу крайне сложно, невозможно. Сначала придется долго ходить по заливам, осваивать прибрежные зоны и возводить на них маяки. Да и вообще непонятно, на лодке какой формы, какого веса, с каким запасом пропитания и питьевой воды следует отправляться в такое плавание. По-видимому, первое, что придется сделать, — это подготовить своего рода путеводитель по собранному материалу... а затем — в неизведанное. Настоящий 9-томник — первый вариант гида.

Однако здесь следует непременно отметить, что за последние годы заметно возрос совокупный биографический архив отечественной социологии. Когда рассматриваемый проект начинался, мне была известна лишь книга о биографических интервью российских социологов, вышедшая под редакцией Г.С. Батыгина. Позже я узнал о том, что начатая им работа по интервьюированию социологов была продолжена Л.А. Козловой и Н.Я. Мазлумяновой.

Весьма представительная коллекция интервью с российскими социологами, прежде всего представляющими старшие возрастные группы, представлена на страницах петербургского «Журнала социологии и социальной антропологии», возглавляемого историком социологии В.В. Козловским.

В 1989-1996 гг. серию личных интервью с российскими социологами провел Дмитрий Шалин, среди его собеседников были А. Алексеев, Э. Беляев, О. Божков, В. Голофаст, Б. Грушин, Б. Дубин, Л. Кесельман, И. Кон, Ю. Левада, А. Назимова, Е. Петренко, Б. Работ, Г. Саганенко, Г. Старовойтова, Л. Шейнис и еще несколько человек.

Достаточно богата теперь и мемуарная литература, это написанные в разном жанре воспоминания о прожитом: А.Н. Алексеева, И.В. Бестужева-Лады, В.С., Дудченко, Т.И. Заславской, С.А. Кугеля, И.С. Кона, Э.В. Соколова, Б.М. Фиросва, В.Э. Шляпен-тоха, В.Н. Шубкина, В.Н. Ярской-Смирновой.

Еще один источник биографической информации — это сборники, которые делались к юбилеям ученых, например, «Vivat, Ядов!» (2009 г.), «Академик Г.В. Осипов — патриарх социологии» (2009 г.) или материалы конференций, проводимых в память об ушедших коллегах: Г.С. Батыгине, В.В. Голофасте, Б.А. Грушине, Л.Н. Когане, Ю.А. Леваде, З.И. Файнберге. Здесь же следует назвать книги памяти, выпущенные родными и друзьями. К первому разряду относится коллекция воспоминаний о Л.А. Гордоне (2003 г.), ко второму — несколько томов воспоминаний о Ю.А. Леваде и его работ разных лет, собранные и изданные Т.В. Левадой.

В 2008-2011 гг. цикл видео-интервью «Взрослые люди» был проведен для портала Полит.ру. Л.Ф. Борусяк, среди ее собеседников было около 15 социологов; сожалению, позже этот материал был закрыт для массового пользования.

В опоре на статью А. Н. Алексеева, сформулировавшего в 2008 году тему «личностного науковедения» [10], на собственный историографический архив и материалы сайта «Международная биографическая инициатива» [6] я попытался количественно оценить размер *совокупного биографического архива* российской социологии. Эта в любом случае сложная историографическая задача в моем случае принципиально осложняется тем, что, живя уже свыше 20 лет в Америке и редко бывая в России, я не имею возможности следить за социологической литературой и участвовать активно в жизни нашего профессионального сообщества. Вместе с тем, мой анализ показывает,

что совокупный биографический архив российской социологии уже сейчас весьма велик, в нем — не менее 400 единиц «хранения», и он представляет информацию по крайней мере о 300 социологах. В действительности, «человеческий» аспект истории нашей науки, конечно же, не ограничивается «автопортретами», к примеру, рассказывающий о прожитом, непременно вспоминает своих коллег и наставников. Со временем, надо думать, все это будет, по крайней мере, собрано и описано.

Если же вернуться к собранной в рамках проекта биографической информации и принять во внимание тот факт, что в ближайшие годы я не планирую активное проведение биографических интервью, то легко понять возросшую актуальность определения направлений ее анализа. И одна из наиболее сложных проблем заключается в обосновании методологии перехода от биографических интервью с социологами к истории социологии. Эта проблема — следствие различий природы базовой эмпирической информации и выводов финального характера. Биографические интервью относятся к индивиду и раскрывают процесс его личностной и профессиональной социализации, вся совокупность этого рода информации описывает жизнь и деятельность социологического сообщества. Но финальные выводы исследования должны распространяться на науку, характеризовать ее становление и развитие.

Представляется, что не существует непосредственного перехода от данных личностно-индивидуального свойства к историко-научоведческому. Необходим инструмент перехода, некая промежуточная платформа. Предлагаемый нами подход основывается на убеждении в том, что *наука создается поколениями* ученых, в которых каждый в зависимости от таланта, работоспособности, набора ценностей и прочих индивидуально-личностных атрибутов занимает собственное место, играет собственную роль. Таким образом, вырисовывается следующая трехступенчатая аналитическая конструкция: 1. Проведение глубинных неформальных биографических интервью с социологами; 2. Объединение социологов в поколенческие группы; 3. Представление истории социологии как *процесса формирования, развития и смены поколений*.

Безусловно, было бы хорошо, если бы такой или несколько иной подход к исследованию истории послевоенной российской социологии обнаружился в 2004 году, когда все начиналось. В этом случае его можно было бы довести до программы исследования, учесть в технологии и организации сбора данных, руководствоваться им при первичном анализе содержания интервью. Однако, тогда ничего подобного или близкого не просматривалось. Исследование началось с проведения интервью, цель которых заключалась в создании серии «портретов» социологов, изучавших общественное мнение в СССР и в постперестроечной России. Но *сам исследовательский процесс* постепенно превратил задуманное в то, что сейчас сделано.

Указанные три ступени, или шага, составляют каркас того, что я сейчас называю *поколенческо-функциональным анализом* истории советской и постсоветской социологии. Более десяти лет я называл объектом исследования *советскую / российскую* социологию, но в последнее время ухожу от такой практики и говорю о *советской* и *постсоветской* социологии.

Во-первых, в таком названии точнее отражена суть того, что произошло с нашей социологией, во вторых, — в нем, что крайне важно при изучении истории, присутствует *процессуальность*. Согласно моей концепции генезиса послевоенной советской социологии, предложенной в 2007 году, послевоенная отечественная социология не является продолжением дореволюционной русской и ранней советской социологии (20-е — 30-е годы). Она — акт *второго* рождения социологии в СССР в условиях политической оттепели. В нашем интервью это положение ярко и точно обозначил Андрей Григорьевич Здравомыслов; по его мнению, на социологов первого поколе-

ния большее влияние оказал Булат Окуджава, чем Питирим Сорокин. И после перестройки советская социология не вернулась к *российской*, а постепенно трансформировалась в *постсоветскую*.

Теперь — кратко о том, что я называю *поколенческо-функциональным* анализом, и раскрою его темпоральную сущность.

В 2007 году я начал постепенно вводить в мои аналитические и собственно биографические тексты понятие «поколение социологов». Поначалу я намеренно, чтобы не разгоралось споров, не писал специальных методологических статей на эту тему, к тому же не было уверенности в том, что это изобретение работает. Некоторые соображения по поводу поколений социологов я обсуждал со Здравомысловым и Ядовым, а также рядом других коллег, но не более того. Позже лестница поколений докладывалась на нескольких конференциях, описывалась в статьях, была изложена в работах [11], [12].

На протяжении многих лет в своих книгах и статьях я говорил о семипоколенной лестнице отечественных социологов, но в упомянутой выше двухгодичной давности дискуссии с Л. Козловой («Телескоп», 2014, №4) мне впервые показалось целесообразным «углубить» ее еще двумя ступенями, ввести поколения VIII и IX, которые в ближайшие годы станут членами нашего профессионального цеха.

Пока не существует «канонического» названия поколений, но приводимая ниже Таблица 2 дает представление о строении поколенческой лестницы. Все поколения, кроме II поколения, имеют продолжительность в 12 лет и соответствующие временные интервалы не накладываются друг на друга. Я уже много раз писал, что социологи II поколения — практически ровесники представителей первого поколения, но они пришли в социологию несколько позже первых; они стали их первыми учениками. Кратко это называется «один возраст — два поколения».

Из приводимых данных видно, что еще летом 2014 года я мог работать с интервью лишь четырех социологов, принадлежащих к пятому и более поздним поколениям, т.е. фактически мой анализ был четырехпоколенным, и я имел дело с социологами в возрасте 55 лет и старше. Теперь в моем исследовательском массиве более полсотни человек, представляющих V — VII поколения, и легко понять, что все они входили в социологию не раньше второй половины 1980-х, т.е. после перестройки. Другими словами, они в буквальном смысле социологи *постсоветского* времени. К таковым относятся и младшие страты четвертого поколения.

Мне не известна возрастная статистика специалистов, работающих сейчас в российской социологии, поэтому сложно сказать, какая доля членов нашего профессионального сообщества в настоящее время приблизилась к 60-ти годам или уже преодолела этот рубеж. Моя *гипотеза*: в настоящее время доля специалистов этого возрастного диапазона меньше, чем пропорция более молодых социологов. Очевидно, что количество тех, кто начинал свою исследовательскую деятельность до перестройки, сокращается, а число молодых исследователей растет. Таким образом, возрастной состав нашего сообщества,

Таблица 2. Первые девять поколений советской/постсоветской социологии

Поколение социологов	Годы рождения	Количество интервью		Социально-хронологическое название поколения
		2014 г., июнь	2016 г., ноябрь	
Первое	1923–1934*	8	8	«Шестидесятники» (первая волна)
Второе	Конец 1920-х – 1934 *	12	13	«Шестидесятники» (вторая волна)
Третье	1935–1946	21	30	Военное
Четвертое	1947–1958	15	38	Первое послевоенное
Пятое	1959–1970	3	22	Постоттепельное
Шестое	1971–1982	1	21	Предперестроечное (годы застоя)
Седьмое	1983–1994	0	11	Дети перестройки
Два следующих поколения				
Восьмое	1995–2006	0	0	Первое поколение постсоветской России
Девятое	2007–2018	0	0	Эпоха В.В.Путина
Итого		60	143	

* Тот, что годы рождения социологов I и II поколений заключены в одном временном интервале, в рамках разрабатываемой концепции называется: «один возраст — два поколения».

или «человеческой фактор», позволяет утверждать, что, скорее всего, уже до конца текущего десятилетия, когда в науку начнут входить представители восьмого поколения, российская социология станет и в этом плане действительно постсоветской.

Исходно понятие «поколение социологов» вводилось как метод, инструмент сжатия и упорядочения возрастающего числа интервью и увеличивавшегося объема биографической информации, но потом оно стало жить своей собственной жизнью и дало мне много больше, чем, я связывал с ним на момент его рождения. Оно помогает в планировании выборки, при сопоставительном анализе биографий социологов и т.д. Я стал думать в терминах поколений, начал видеть историю нашей науки как смену поколений.

В чем я вижу причину эвристической способности предложенной модели возрастной стратификации сообщества российских социологов? Отчасти — следованием логике и технике шкалирования, в определенной мере — в удачной «настройке» возрастной шкалы, в ряде других пифагорейских (нумерических) и содержательных обстоятельств. Но все они — это следствие философии, лежащей в основании проведенного шкалирования, которая задается эйнштейновским критерием «внутреннего совершенства». Суть — в отсутствие *ad hoc* допущений относительно границ интервалов рождения представителей каждого (кроме второго) поколения. После всестороннего анализа различных, казавшихся весьма оправданными гипотез, было решено — все поколения равной продолжительности.

По мнению Эйнштейна, высокий уровень «внутреннего совершенства» теории, (модели) — во многом предопределяет ее «внешнее оправдание», т.е. интерпретируемость. При строем шкалы поколений, не ставилась задача ее «подгонки», сопряжения с теми или иными макро событиями. Она сама вписалась в них.

Однако в последние пару лет стала ощущаться недостаточность интерпретации половозрастных когорт российских социологов лишь в логике макрособытий, определяющих облик и дух поколения: война, оттепель, застой, перестройка. Дело в том, что такая интерпретация не отражает того факта, что в рамках проекта предложенная стратификация распространяется не на все население страны, а только на конкретное профессиональное сообщество — на социологов. Так возникла идея поиска доминантной функции поколения, т.е. главной роли, играемой конкретным поколением социологов на сцене действий всего социологического сообщества.

В настоящее время набор доминантных функций поколе-

ний может быть представлен следующим образом (Таблица 3).

Таблица 3. Доминантные функции семи поколений современной российской социологии

Поколение	Годы рождения	Доминантная функция
Первое	1923–1934*	Конституирование социологии как самостоятельной науки
Второе	1920-е–1934*	Расширение предметного поля исследований
Третье	1935–1946	Развитие эмпирических методов
Четвертое	1947–1958	Сохранение достигнутого, испытание нового
Пятое	1959–1970	Обогащение парадигматики и методологии
Шестое	1971–1982	Определение характера постсоветской российской социологии
Седьмое	1983–1994	Вхождение в глобальное социологическое сообщество

* Тот, что годы рождения социологов I и II поколений заключены в одном временном интервале, в рамках разрабатываемой концепции называется: «один возраст – два поколения». См. объяснение в названных книгах.

освоению эмпирических методов (прежде всего, анкетированию, измерению бюджетов времени, математическим приемам анализа информации), многое делало для перевода на русский язык западной литературы и пыталось внести в марксистскую методологию новые достижения американских и западных социологов через участие в Международных конгрессах социологов и форумов иного рода, путем организации сравнительных социологических исследований, способствовало узнаванию достижений отечественной науки за рубежом. Но все же главная функция первопроходцев заключалась в отстаивании *самостоятельности социологии* как науки. Одновременно события 80-х–90-х возложили на них главную ответственность за *становление характера* постсоветской социологии.

Поиск названий поколений и функций поколений будет продолжен, хотя здесь вообще проблематично говорить об одном универсальном «имени», мы имеем дело с очень сложными, многомерными и динамичными образованиями. Поколения имеют продолжительность в 12 лет, и — ясно — младшие отличны от старших; особенно это заметно в период, когда младшие входят в науку. В старших обнаруживается множество черт предыдущей генерации, в младших — следующей. Аналогичное относится и к функциям. Эти функции определяются всем развитием социологии и в явном или стертом виде они наблюдаются, если не в деятельности всех поколений, то, по крайней мере, соседних, но доминантными они — скорее всего — являются для одного поколения. Новые доминантные функции выкристаллизовываются, обозначаются, становятся весомыми лишь к середине периода активной деятельности нового поколения. Поэтому они скорее обнаруживаются в интервью с социологами, представляющими младшие страты каждого поколения, нежели в беседах со старшими.

Для раскрытия сути поколенческо-функционального анализа принципиально отметить, что два наших ключевых образования: поколение и функция поколения — это субстанции, развивающиеся в разных *временных пространствах*. Поколение — это профессионально-возрастной срез населения, оно несет в себе следы времени рождения, социализации и т.д. Оно существует во *внешнем*, общем для всех *социальном* времени. Функция поколения — это, прежде всего, производная от состояния науки, которое — естественно — не свободно от внешнего времени, но в значительной мере независима от него, имеет свои собственные, внутренние законы развития. Функция поколения развивается во *внутреннем*, внутринаучном времени. И мне кажется, что именно в плоскости двух этих координат (возможно, в будущем — в более многомерном пространстве) можно будет как-то раскрыть тему, заявленную в первом «самоотчете» «Биографии для истории». Напомню, там в самой гипотетической форме говорилось о двух исследовательских направлениях, или векторах: *история в биографиях* и *биографии в истории*.

Думаю, что поколенческо-функциональный анализ истории советской и постсоветской социологии — это и есть главный методологический результат проведенной работы. Он — ключ к двухтемпоральному изучению прошлого-настоящего и будущего российской социологии.

В силу многих особенностей развития настоящего Проекта последние 5–6 лет основное внимание уделялось проведению интервью с различными группами социологов и одновременно — совершенствованию методологии проведения биографического интервью по электронной почте. Что касается теоретической работы, то она концентрировалась на изучении деятельности отдельных социологов и написании их биографии: статьи, эссе, книги.

Последнее, что сделано по этому направлению — изучение жизненного пути и научного наследия Бориса Григорьевича Кузнецова (1903–1984), признаваемого специалистами одним из ведущих советских историков и философов физики и фундаментальной науки в целом. В обширной статье о нем (Том №9) отмечено, что исследования Кузнецова, прежде всего, относящиеся к разработке идеалов и будущего науки, а также его исследования биографий и творчества Эйнштейна, Галилея, Ньютона, Бруно, Спинозы — сегодня могут быть отнесены к социологии науки. Мне представляется, что этот вывод может иметь интересные следствия для нашего понимания механизмов развития российской социологии в целом.

Для моего проекта эта работа представляется крайне важной, поскольку в конце долгого 12-летнего этапа — сбора первичной информации и определения общей парадигматики историко-социологического поиска — она вернула меня к генезису проекта и заставила осмыслить пройденный путь.

Кузнецов, безусловно, не единственный из советских историков, философов, экономистов, родившихся в начале XX века и долгие годы работавших в своих дисциплинарных нишах, исследования которых не могли во второй половине прошлого века классифицироваться как социологические. Прежде всего, они сами не идентифицировали себя в качестве социологов, они работали в логике, традициях своих наук и не придавали значения тому, что часто заходили в пограничные области знания, тем более, что «границы» наук в те времена очерчивались иначе, чем сейчас. Во-вторых, они знали, что с конца 1920-х и на протяжении последующих трех десятилетий социология как наука была запрещена в СССР. В-третьих, в после «оттепельный» период и, фактически, до рубежа 1980-х — 1990-х советские социологи критически, настороженно относились к исследованиям, осуществлявшимся в феноменологической парадигматике, не рассматривали их социологическими. В настоящее время границы российской социологии принципиально раздвинулись в сравнении с советским периодом, стал значительно богаче арсенал используемых отечественными социологами методов. А это значит, что постепенно будет уточ-

няться наше видение прошлого социологии советского периода и наша недавняя история обогатится новыми именами.

Мне бы хотелось, чтобы и эта тема вписалась в перечень перспективных исследовательских направлений.

Литература

1. Докторов Б. З. Современная российская социология: Историко-биографические поиски. В 9-ти т. [электронный ресурс] / редактор-консультант Алексеев А.Н., редактор электронного издания Григорьева Е. И.— Электрон. текст. дан. (объем 253 Мб) М.: ЦСПиМ. 2016. с илл. 1 электрон. опт. диск.
2. Российская социология шестидесятих годов в воспоминаниях и документах // Отв. ред. Г.С. Батыгина. Изд. Рус. Христ. Гуман. Инст. М.: 1999.
3. Докторов Б.З. Первопроходцы мира мнений: от Гэллага до Грушина. М.: Институт Фонда «Общественное мнение». 2005.
4. Международная биографическая инициатива <http://cdclv.unlv.edu//programs/bios.html>.
5. Кузнецов Б. Путешествия через эпохи. Мемуары графа Калиостро и записи его бесед с Аристотелем, Данте, Пушкиным, Эйн-

штейном и многими другими современниками. — М.: «Молодая гвардия», 1975.

6. Докторов Б. Современная российская социология. История в биографиях и биографии в истории. Санкт-Петербург: Европейский университет в Санкт-Петербурге. 2013.
7. Докторов Б. Биографические интервью с коллегами-социологами» http://www.socioprognoz.ru/index.php?page_id=146.
8. Докторов Б. З. Биографические интервью с коллегами-социологами. 4-е дополненное издание [электронный ресурс] / Ред.-сост. А. Н. Алексеев. Ред. электр. издания Е. И. Григорьева. М.: ЦСПиМ, 2014 <http://www.socioprognoz.ru/publ.html?id=385>
9. Докторов Б. З. Современная российская социология: Историко-биографические поиски. 2-е изд., в 6-ти т. [электронный ресурс] / редактор электронного издания Е. И. Григорьева. М.: ЦСПиМ, 2014. <http://www.socioprognoz.ru/publ.html?id=389#>.
10. Алексеев А.Н. Личностное науковедение (на примере современной российской социологии) http://socioprognoz.ru.1gb.ru/files/File/2015/doctorov/alekseev_2008.pdf.
11. Докторов Б.З. Лестница поколений в постхрущевской российской социологии // Антропологический форум. 2009. №11. С. 45-54 http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/011/11_02_forum.pdf.
12. Докторов Б.З. Современное российское социологическое сообщество: модель поколенческой стратификации // Междисциплинарность в социологическом познании: материалы методологических семинаров памяти Г.С. Батыгина, 2007-2009 / Отв. ред. Л.А.Козлова. М.: ИСИ РАН. 2010. С. 44-63.